

Виды кибербуллинга: согласованность шкал как способ анализа

В. Л. Назаров ^{1,2}, Н. В. Авербух ¹

¹ Уральский федеральный университет,

² Институт развития образования Свердловской области

v.l.nazarov@urfu.ru, natalya_averbukh@mail.ru

Аннотация

В данной работе представлен анализ внутришкольного и внешкольного кибербуллинга и входящих в него явлений: социальной травли, личной травли, «фейк-травли» и самозванства. Используется опросник, вопросы в котором объединены в шкалы, основанные на видах травли. На основании согласованности этих шкал делается вывод относительно систематичности данных явлений в разных ролях кибербуллинга.

Целью данной работы является изучение видов кибербуллинга через анализ согласованности шкал, основанных на выделенных авторами видах кибербуллинга. Основная гипотеза заключается в том, что согласованность/несогласованность шкал возможно использовать не только для проверки релевантности опросника, но и для построения типологии внешних условий реализации феномена, в данном случае — конкретных ситуаций проявления разных видов кибербуллинга. Результаты расчёта согласованности шкал в целом подтверждают данную гипотезу.

Ключевые слова: кибербуллинг, внутришкольный кибербуллинг, внешкольный кибербуллинг, роли в кибербуллинге, социальная травля, личная травля, фейк-травля, самозванство

Библиографическая ссылка: Назаров В. Л., Авербух Н. В. Виды кибербуллинга: согласованность шкал как способ анализа // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Выпуск 7 (Труды XXVI Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2023, Санкт-Петербург, 26—28 июня 2023 г. Сборник научных статей). — СПб.: Университет ИТМО, 2024. С. 178–191. DOI: 10.17586/2587-8557-2024-7-178-191

1. Введение

Одной из особенностей изучения кибербуллинга является отсутствие чёткого разграничения между внутришкольным кибербуллингом, когда участниками травли (в широком смысле участия) становятся знакомые между собой дети, которые постоянно общаются в реальной жизни, и внешкольного кибербуллинга, при котором агрессия поступает или направлена на посторонних, часто незнакомых людей.

В данной статье предлагается изучать отдельно внутришкольный и отдельно внешкольный кибербуллинг как явления, протекающие на принципиально разных площадках.

Классический подход к ролям в кибербуллинге, исходя из классического подхода к ролям в буллинге, выделяет следующие роли: жертва, агрессор, жертва-агрессор. Ряд исследователей рассматривает также роль свидетеля. Как видно, в этом подходе роль понимается, можно сказать, биографически, рассматривается, кем ребёнок был в своей жизни или, может быть, более узко, за какой-то период. Мы выбрали несколько отличный

подход, в котором роль в травле рассматривается ситуативно. То есть в данный отдельный момент данный индивид выступает жертвой. В другой момент этот же индивид или другой выступает агрессором и т.п. В рамках предлагаемого подхода мы выбрали, кроме очевидных жертвы, агрессора и свидетеля также подстрекателя, то есть того, кто призывает других присоединиться к травле, и рядового участника (на стороне агрессора), который сам не инициирует травлю, но осуществляет действия по подказке, совету, просьбе или даже приказу подстрекателя.

При изучении видов кибербуллинга также обращает на себя внимание тот факт, что заявленные в литературе виды кибербуллинга фактически являются отдельными действиями, так, например, флейминг — разожжённая в комментариях грубая дискуссия, киберпреследование — неоднократная отправка жертве угрожающих сообщений, или ещё более конкретно: «публикация раздражающих комментариев». С тем, чтобы упорядочить данную сферу, мы предлагаем свою классификацию, в которой в рамках кибербуллинга выделяем социальную травлю, личную травлю, «фейк-травлю» и самозванство. Социальная травля представляет собой действия, которые способствуют социальной изоляции жертвы или снижению её репутации через публикацию клеветнических сообщений и унижительных фотографий. Как явление социальная травля объединяет все действия, направленные не непосредственно на жертву, а на социум, к которому жертва относится (исключая действия с использованием фальшивых, «фейковых» аккаунтов).

Личная травля, как можно догадаться из названия, объединяет все действия, направленные непосредственно на жертву. Это и отправка угроз, и оскорбления в комментариях, и т. п.

«Фейк-травля» — действия, совершаемые с помощью фальшивых, «фейковых» аккаунтов.

И, наконец, самозванство, выделенное в отдельный вид травли как поведение, комбинирующее и социальную травлю в отношении хозяина аккаунта (его репутация может испортиться из-за поведения самозванца), и личную травлю в отношении тех, кому самозванец пишет под чужим именем.

Такое выделение, разумеется, достаточно условно и нуждается в проверке на практике.

Данная статья посвящена проверке выбранных нами видов кибербуллинга на основании расчёта согласованности шкал опросника. Как видно из результатов, одни и те же вопросы, будучи заданными жертвам, агрессорам, подстрекателям, рядовым участникам и свидетелям кибербуллинга, дают разные результаты. Так, например, социальная травля как набор действий, оказывается согласованной для всех ролей внутришкольного кибербуллинга, и несогласованной для ролей агрессора и свидетеля внешкольного кибербуллинга. То есть агрессоры внешкольного кибербуллинга, осуществляя свои действия, направленные на ухудшение репутации жертвы, не действуют систематически, фактически, можно считать, что совершенно разные люди используют клевету и, скажем, унижительные фотографии. А вот социальная травля в ролях внешкольного подстрекателя и рядового свидетеля, напротив, имеет хорошую согласованность, более высокую, чем у аналогичных ролей внутришкольного кибербуллинга. Таким образом, люди, выступающие в этой роли, действуют как раз систематически, совершая различные действия, ухудшающие репутацию жертвы.

Целью данной работы является изучение видов кибербуллинга через анализ согласованности шкал, основанных на выделенных авторами видах кибербуллинга. Основная гипотеза заключается в том, что согласованность/несогласованность шкал возможно использовать не только для проверки релевантности опросника, но и для построения типологии внешних условий реализации феномена, в данном случае — конкретных ситуаций проявления разных видов кибербуллинга. Это связано с тем, что картина восприятия конкретного вида кибербуллинга меняется, будучи представлена глазами представителей разных ролей в рамках различных условий: внутри или вне школьного коллектива, что находит своё отражение в том, согласованны или нет

выделенные нами шкалы. В случае, когда респонденты, указавшие на опыт участия в кибербуллинге в конкретной роли, наблюдают, испытывают или непосредственно производят травлю данного вида как набор связанных между собой актов киберагрессии, мы видим в качестве результата согласованную шкалу. В случае же, когда отдельные акты киберагрессии, которые были объединены нами в конкретный вид кибербуллинга, происходят разрозненно, не связано друг с другом, мы наблюдаем снижение согласованности шкалы. Поскольку вопросы, посвящённые отдельным актам киберагрессии, были заданы практически в одной и той же формулировке, с поправкой только на роль и обстоятельства (например, для внутришкольного кибербуллинга вопросы задавались о классных/школьных сообществах и чатах, для внешкольного — о тематических сообществах по интересам, в которых состоят респонденты), можно предполагать, что причины различий в согласованности шкал, в которые входили эти вопросы, могут быть как раз в условиях протекания кибербуллинга (внутришкольный или внешкольный) и в том, как этот кибербуллинг воспринимается глазами участников, выступающих в конкретной роли. Например, жертва может связывать воедино акты киберагрессии, направленные на снижение её репутации (социальная травля), а агрессоры во внешкольном кибербуллинге (см. результаты) могут воспринимать свои действия как самостоятельные поступки.

Таким образом, согласованность/несогласованность шкал, основанных на практически идентичных вопросах, заданных носителям различных ролей в кибербуллинге, позволяет изучить особенности проявления разных видов кибербуллинга.

2. Общее представление о кибербуллинге

2.1. Определение кибербуллинга

Термин «буллинг» (bullying) означает «травля» на английском языке.

Шведский исследователь D. Olweus в своей работе [1] привёл определение буллинга:

«Мы говорим, что ученик подвергается буллингу, когда другой ученик или несколько других учеников:

- говорит подлые и обидные вещи или высмеивает его или ее или обзывает его или ее подлыми и обидными именами;
- полностью игнорирует или исключает его или ее из своей группы друзей или намеренно исключают его или ее из дела;
- бьют, пинают, толкают, заталкивают или запирают его или ее в комнате;
- лгут или распространяют ложные слухи о нем или ней или посылают неприятные заметки и пытаются вызвать неприязнь других учеников к нему или к ней;
- и тому подобное.

Когда мы говорим о буллинге, такие вещи происходят неоднократно, и учащемуся, подвергающемуся буллингу, трудно защитить себя. Мы также называем это буллингом, когда учащегося неоднократно поддразнивают и оскорбляют. Но мы не называем это буллингом, когда поддразнивание происходит в дружелюбной и игривой форме. Кроме того, это не буллинг, когда два ученика примерно одинаковой силы или власти спорят или дерутся».

В той же работе приводятся три критерия традиционного буллинга:

- преднамеренность;
- некоторая повторяемость;
- дисбаланс сил.

При этом, когда речь идёт о классификации школьной травли, в качестве видов выделяются не отдельные проявления, а более общие явления, так, в работе [2] выделяются такие виды травли, как физическая, вербальная и социальная.

Определение кибербуллинга до сих пор не устоялось. В работе [3], кибербуллинг определяется как жестокость по отношению к другим путем отправки или размещения вредоносных материалов или участия в других формах социальной жестокости с использованием Интернета или других цифровых технологий.

В отечественной работе [4] приводится следующая формулировка, данная с юридических позиций: «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [4].

Как показано в работе [5], понятия кибербуллинга и киберагрессии изначально рассматривались как синонимичные, однако постепенно возобладала точка зрения, согласно которой киберагрессия — это более широкое понятие и охватывает более широкий спектр явлений. Она включает в себя кибербуллинг, и в более широком смысле определяется как любое преднамеренное злонамеренное действие, совершаемое в Интернете. То же мнение высказывается и в работе [6].

В рамках данной статьи под кибербуллингом будет пониматься систематическое намеренное преследование жертвы, тогда как киберагрессия, с одной стороны, как феномен является более широким, чем кибербуллинг, а с другой, как отдельные киберагрессивные акты включается в процесс кибербуллинга. Фактически, какое-то киберагрессивное действие, например, оскорбительный комментарий, может быть частью кибербуллинга, а может носить относительно случайный характер.

Кибербуллинг позволяет преследователю достигать свою жертву постоянно, в любое время дня и ночи. Одно враждебное действие преследователя может быть многократно повторено им на разных ресурсах и вольно или невольно «растиражировано» другими пользователями [7], что трансформирует однократный акт агрессии в повторяемый и создаёт эффект дисбаланса сил. Неравенство сил также создаётся за счёт разного уровня цифровой компетентности [7].

То же мнение о «вездесущности» кибербуллинга высказывается и в работе [8], в которой утверждается, что уникальность кибербуллинга состоит в том, что преследователь может проникнуть в стены дома жертвы. Если подросток-жертва предпочитает не выключать мобильный телефон на ночь, он или она может стать постоянной мишенью для киберхулиганов, в то время как жертва традиционного буллинга может найти безопасное убежище дома, даже если травля не ограничивается школой.

2.2. Виды кибербуллинга

При выделении видов кибербуллинга большинство авторов ограничивается перечислением отдельных проявлений, так, в работе 2006 года [9] в понятии кибербуллинга выделяется семь подкатегорий:

- буллинг текстовыми сообщениями;
- буллинг в виде фото/видеоклипов (с помощью камер мобильных телефонов);
- буллинг телефонными звонками (через мобильные телефоны);
- буллинг по электронной почте;
- буллинг в чате;
- буллинг посредством обмена мгновенными сообщениями;
- буллинг через веб-сайты.

Как видно, подобная классификация в первую очередь связана с программно-технической составляющей, а не с содержанием травли.

В работе [3] выделяются следующие виды кибербуллинга:

- флейминг — это онлайн-драки с использованием электронных сообщений с гневным и вульгарным языком;
- домогательство — неоднократная отправка оскорбительных, грубых и оскорбительных сообщений;

- очернение — это отправка или размещение жестоких сплетен или слухов о человеке с целью нанести ущерб его или ее репутации или дружеским отношениям; «опускание» кого-то онлайн;
- самозванство, выдача себя за другое лицо — взлом чьей-либо учётной записи, выдача себя за этого человека и отправка сообщений с целью выставить этого человека в плохом свете, навлечь на него неприятности или опасность или нанести ущерб репутации или дружбе этого человека;
- аутинг и обман состоит в том, что агрессор делится чьими-то секретами или смущающей информацией или изображениями в Интернете или обманом вынуждает кого-либо, чтобы он раскрыл секреты или смущающую информацию, которой затем делится агрессор;
- исключение заключается в том, что агрессор намеренно исключает кого-то из онлайн-группы;
- киберпреследование — это неоднократная отправка сообщений, содержащих угрозы причинения вреда или сильно пугающих, а также участие в других онлайн-действиях, которые заставляют человека бояться за свою безопасность [3].

В работе 2015 года [10] приведены такие формы кибербуллинга, как оскорбления на онлайн-форумах, высмеивание комментариев на онлайн-форумах, передача третьим лицам частных интернет-разговоров жертвы без её ведома.

В работе [11] описаны следующие формы кибербуллинга:

- публикация раздражающих комментариев;
- блокировка в онлайн-чатах или группах мессенджеров;
- ложные профили в социальных сетях;
- распространение слухов и оскорбительной, унижающей жертву информации в Интернете [11].

Таким образом, мы видим, что в рассмотренных работах просто перечисляются конкретные действия агрессоров, которые можно объединить в условные группы «социальная травля» и «личная травля», в зависимости от того, на что в большей степени направлен кибербуллинг: на саму жертву или на занимаемую ею в обществе позицию. Поскольку относительно самозванства сложно определить, на кого в большей степени направлена травля, на владельца аккаунта, под чьим именем выступает самозванец, на тех, кому он пишет, или на разрушение репутации владельца аккаунта, целесообразно выделить самозванство в отдельный вид.

Как указал в своей работе А. Е. Войскунский, кибербуллинг во многом провоцируется анонимностью, в том числе и кажущейся [12]. Сегодня Интернет далеко не всегда представляет возможность осуществлять систематическое преследование абсолютно анонимно, так как на многих ресурсах незарегистрированные пользователи не могут оставлять сообщения и комментарии, поэтому можно обратить внимание на травлю с использованием фейковых аккаунтов и выделить её также в отдельный вид кибербуллинга.

2.3. Роли в кибербуллинге

D. Olweus предлагает следующие роли в буллинге: чистые хулиганы или только хулиганы, чистые жертвы или только жертвы и агрессоры-жертвы и переносит их на кибербуллинг [1].

Следом за ним это делают и другие авторы, так, например, такое же деление предлагается в работе [6].

Кроме того, большое значение для травли имеет также роль свидетеля. Кибербуллинг может охватывать большее число вольных или невольных участников за счёт того, что в сети множество людей могут оказаться в числе свидетелей травли [6]. Однако роль свидетеля (или наблюдателя, как её обозначают в своей статье Г. У. Солдатова и А. Н. Ярмина) является наименее изученной [6]. Дистантность кибербуллинга усиливает «эффект свидетеля»,

превращая свидетелей травли в молчаливых наблюдателей происходящего, которые не вмешиваются в сложившуюся напряжённую ситуацию [7].

Также свидетели травли могут присоединиться к кибербуллингу [13].

В данном исследовании предлагается несколько другой подход к распределению ролей, основанный на ситуативном участии в травле. Т. е., если ребёнок в данном эпизоде выступил жертвой, он рассматривается как жертва, даже если в другом эпизоде он выступает как преследователь. При этом роль преследователя разбивается на три разные роли:

- агрессоры, т. е. те, кто непосредственно осуществляет травлю;
- подстрекатели, те, кто предлагает другим осуществить травлю;
- рядовые участники — те, кто включается в травлю по чьему-то примеру, совету, просьбе или приказу, то есть те, кого в работе [13] обозначают как свидетелей, присоединяющихся к травле.

3. Методика

В 2021 году нами был проведён опрос, затронувший 1762 обучающихся школ и учреждений среднего профессионального образования в Свердловской области, из них:

- 4,7 % — обучающиеся начальной школы (1-4 классы);
- 71,9 % — обучающиеся средней школы (5-9 классы);
- 22,2 % — обучающиеся старшей школы (10-11 классы);
- 1,2 % — обучающиеся учреждений среднего профессионального образования.

Из участников исследования в Екатеринбурге проживает около 27 % из всех респондентов, остальные проживают в других муниципалитетах Свердловской области.

В данной статье рассматриваются разделы данного опросника, посвящённые внутришкольному и внешкольному кибербуллингу. Данные разделы практически идентичны друг другу, не считая некоторых формулировок, связанных с платформой, на которой осуществлялась травля, а также указаний на личное знакомство между участниками кибербуллинга в случае внутришкольного кибербуллинга, и отсутствие знакомства в случае внешкольного кибербуллинга.

Каждому участнику задавался вопрос, о том, был ли у него опыт, в котором он или она был жертвой кибербуллинга, агрессора, подстрекателя, рядового участника и свидетеля. Если участник отвечал «Никогда», он не отвечал на вопросы соответствующего раздела, если ответ был «Редко», «Часто» или «Всегда», открывался раздел с вопросами относительно конкретных проявлений кибербуллинга, с которыми сталкивался или которые осуществлял участник.

При обработке результатов вопросы были объединены в шкалы:

- социальная травля: вопросы, касающиеся действий, напрямую влияющих на положение жертвы в коллективе, такие как намеренное игнорирование, бойкот, снижение репутации путём клеветы, унижительных фото- и видеоматериалов или «дизлайков» под выложенным жертвой контентом;
- личная травля: вопросы, касающиеся прямых нападок на жертву, а именно, оскорбительных писем, комментариев, угроз, отправки шокирующего контента;
- «фейк-травля»: вопросы относительно травли, осуществляемой при помощи «фейковых» аккаунтов, то есть таких, при создании которых используется фальшивое имя и намеренно неактуальная информация;
- самозванство: вопросы, касающиеся выступления агрессора под именем жертвы с помощью «взлома» её аккаунта или создания копии.

В рамках данной работы использовался следующий метод математической статистики — коэффициент α Кронбаха для определения внутренней согласованности выделенных в ходе работы шкал анкеты.

4. Результаты

В таблице 1 представлено сколько человек указали на наличие опыта участия во внутришкольном и внешкольном кибербуллинге.

Таблица 1. Количество респондентов, имеющих опыт участия в кибербуллинге в конкретных ролях

Роли	Внутришкольный кибербуллинг	Внешкольный кибербуллинг
Жертва	361	175
Агрессор	138	125
Подстрекатель	82	53
Рядовой участник	112	78
Свидетель	353	237

Из таблицы 1 видно, что внутришкольный буллинг во всех ролях более распространён, чем внешкольный, а также что наиболее распространённой являются роли жертвы и свидетеля, а наименее — подстрекателя, причём при внутришкольном кибербуллинге роль жертвы встречается чаще, чем свидетеля, а при внешкольном — наоборот.

Далее (Таблицы 2-4) будут представлены расчёты согласованности видов травли в различных ролях.

Таблица 2. Согласованность шкалы «Социальная травля» в разных ролях кибербуллинга

Роли	Внутришкольный кибербуллинг	Внешкольный кибербуллинг	Уровень согласованности
Жертва, N = 361 / 175	0,71	0,70	Достаточный во внутришкольном кибербуллинге / Сомнительный во внешкольном кибербуллинге
Агрессор, N = 138 / 125	0,79	0,40	Достаточный во внутришкольном кибербуллинге / Недостаточный во внешкольном кибербуллинге
Подстрекатель, N = 82 / 53	0,77	0,90	Достаточный во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге
Рядовой участник, N = 112 / 78	0,77	0,87	Достаточный во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге
Свидетель, N = 353 / 237	0,71	0,62	Достаточный во внутришкольном кибербуллинге / Сомнительный во внешкольном кибербуллинге

Обращает на себя внимание тот факт, что уровень согласованности шкалы «Социальная травля» выше у жертв, агрессоров и свидетелей внутришкольного кибербуллинга и у подстрекателей и рядовых участников внешкольного кибербуллинга. Также можно заметить, что в ролях агрессора и свидетеля мы наблюдаем очень низкий уровень согласованности, особенно в роли агрессора. По всей видимости, действия, упоминаемые в вопросах шкалы «Социальная травля» в активной роли агрессора носят случайный характер.

Таблица 3. Согласованность шкалы «Личная травля» в разных ролях кибербуллинга

Роли	Внутришкольный кибербуллинг	Внешкольный кибербуллинг	Уровень согласованности
Жертва, N = 361 / 175	0,68	0,73	Сомнительный во внутришкольном кибербуллинге / Достаточный во внешкольном кибербуллинге
Агрессор, N = 138 / 125	0,61	0,73	Сомнительный во внутришкольном кибербуллинге / Достаточный уровень согласованности во внешкольном кибербуллинге
Подстрекатель, N = 82 / 53	0,69	0,80	Сомнительный во внутришкольном кибербуллинге / Достаточный во внешкольном кибербуллинге
Рядовой участник, N = 112 / 78	0,77	0,88	Достаточный во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге
Свидетель, N = 353 / 237	0,51	0,80	Плохой во внутришкольном кибербуллинге / Достаточный во внешкольном кибербуллинге

Обращает на себя внимание тот факт, что уровень согласованности шкалы «Личная травля» выше во всех ролях во внешкольном кибербуллинге. Таким образом, личная травля во внешкольном кибербуллинге приобретает более системный характер, а во внутришкольном носит более случайный, особенно это касается наблюдений свидетеля.

Таблица 4. Согласованность шкалы «Фейк-травля» в разных ролях кибербуллинга

Роли	Внутришкольный кибербуллинг	Внешкольный кибербуллинг	Уровень согласованности
Жертва, N = 361 / 175	0,83	0,86	Хороший во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге
Агрессор, N = 138 / 125	0,91	0,88	Очень хороший во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге
Подстрекатель, N = 82 / 53	0,89	0,94	Хороший во внутришкольном кибербуллинге / Очень хороший во внешкольном кибербуллинге
Рядовой участник, N = 112 / 78	0,90	0,96	Хороший во внутришкольном кибербуллинге / Очень хороший во внешкольном кибербуллинге
Свидетель, N = 353 / 237	0,83	0,87	Хороший во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге

Вопросы шкалы «Фейк-травля» обладают хорошей и очень хорошей согласованностью во всех ролях и внутри- и внешкольного кибербуллинга. По всей видимости, созданный фейковый аккаунт используется для разных целей, не ограничиваясь какой-то одной. Практически во всех ролях согласованность шкалы выше при внешкольном кибербуллинге, за исключением роли агрессора, при которой небольшой перевес имеет внутришкольный кибербуллинг.

Таблица 5. Согласованность шкалы «Самозванство» в разных ролях кибербуллинга

Роли	Внутришкольный кибербуллинг	Внешкольный кибербуллинг	Уровень согласованности
Жертва, N = 361 / 175	0,74	0,78	Достаточный во внутришкольном кибербуллинге / Достаточный во внешкольном кибербуллинге
Агрессор, N = 138 / 125	0,83	0,73	Хороший во внутришкольном кибербуллинге / Достаточный во внешкольном кибербуллинге
Подстрекатель, N = 82 / 53	0,84	0,84	Хороший во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге
Рядовой участник, N = 112 / 78	0,87	0,89	Хороший во внутришкольном кибербуллинге / Хороший во внешкольном кибербуллинге
Свидетель, N = 353 / 237	0,68	0,79	Сомнительный во внутришкольном кибербуллинге / Достаточный во внешкольном кибербуллинге

Как видно из таблицы 5, в целом вопросы шкалы «Самозванство» обладают достаточным и хорошим уровнем согласованности. Только в роли свидетеля внутришкольного кибербуллинга можно видеть более низкий уровень согласованности. Наиболее высокий уровень согласованности наблюдается в роли рядового участника, то есть того, кто участвует в кибербуллинге по просьбе, приказу или совету других людей. Чуть ниже — в роли подстрекателя, то есть того, кто предлагает другим осуществить травлю.

5. Обсуждение

В данной работе мы исходим из представления о том, что кибербуллинг — это систематическая травля, осуществляемая посредством сети Интернет, осуществляемая путём как отправки какого-то задевающего жертву контента, так и с помощью других инструментов, например, «дизлайков», снижающих рейтинг выкладываемого жертвой контента, действий, направленных на бойкот жертвы и т. п.

Сравнив между собой понятия кибербуллинга и киберагрессии, мы исходим из предположения о том, что кибербуллинг как системное явление складывается из отдельных актов киберагрессии.

Мы отходим от классической, предложенной D. Olweus, системы ролей в буллинге и кибербуллинге [1]. Фактически, D. Olweus подходит к пониманию роли биографически, т. е., выделяя «жертву-преследователя» в отдельную роль, он говорит о том, что один и тот же человек в одних ситуациях выступал жертвой, а в других — преследователем, таким образом, биографически он «жертва-преследователь». Наш подход более ситуативный: мы рассматриваем опыт пребывания жертвой, преследователем или свидетелем в отдельности, не уточняя, был ли тот же респондент и в других ролях, и уточняем поведение каждого человека в рамках исполнения им отдельной роли. Кроме того, нам показалось важным разделить роль преследователя на три отдельные роли (хотя какой-то человек мог выступить во всех трёх или в любых двух из них): агрессора, который сам осуществляет кибербуллинг, подстрекателя, который предлагает другим осуществить кибербуллинг, и рядового участника, который присоединяется к кибербуллингу или действует по чужому предложению, совету, просьбе или приказу, но сам не проявляет инициативы. Эту роль

можно соотнести с упоминаемыми в работе [13] ролями свидетелей, присоединяющихся к травле.

Как указано в п. 2.2. настоящей статьи, при рассмотрении видов кибербуллинга в литературе фактически перечисляются конкретные действия агрессоров без рассмотрения их внутренней логики и взаимосвязей. В рамках данной статьи эти действия были объединены в группы, обозначенные как виды кибербуллинга: социальная травля, личная травля, «фейк-травля» и самозванство. В рамках опросника, описанного в данной статье, действиям, приведённым в литературе (например, написанию оскорбительных комментариев или отправке шокирующего контента), соответствуют вопросы опросника. Видам кибербуллинга соответствуют шкалы опросника, сформированные путём группирования вопросов. Под социальной травлей как видом кибербуллинга понимаются действия преследователя, или приводящие к социальной изоляции жертвы или направленные не непосредственно на жертву, а на группу, в которой жертва состоит. Это бойкот, игнорирование сообщений жертвы, клевета, размещение оскорбительного контента, снижение репутации жертвы с помощью «дизлайков». Личная травля в рамках кибербуллинга — это действия, направленные непосредственно на жертву, то есть отправка именно жертве угроз, оскорблений, оскорбительных комментариев, шокирующего контента и т. п. «Фейк-травля» была выделена в отдельную шкалу в связи с упоминаемой в литературе (например, А. Е. Войсунским в работе [12]) анонимностью как свойством кибербуллинга. Поскольку сегодня полная анонимность возможна далеко не всегда, травля с использованием «фейковых» аккаунтов была выделена в отдельный вид. Последняя выделенная шкала посвящена двум способом осуществить самозванство: с помощью захвата аккаунта жертвы и с помощью создания копии.

Разный результат, полученный в разных ролях кибербуллинга по различным видам травли, подтверждает целесообразность разделения роли преследователя на три различных формы участия в кибербуллинге.

Можно увидеть, что агрессоры, подстрекатели и рядовые участники по-разному проявляют себя во внутришкольном и внешкольном кибербуллинге в ходе разных видов травли. Также разный взгляд на травлю у жертвы и у свидетеля.

Социальная травля представляет собой действия преследователя, которые направлены не непосредственно на жертву, а на общее окружение жертвы и преследователя. Это исключение и блокировка на Интернет-ресурсах, клевета, распространение оскорбительных и унижительных фото- и видеоматериалов с участием жертвы. В ходе социальной травли жертва и преследователь могут в принципе не контактировать.

Как видно, для всех ролей внутришкольного кибербуллинга явления, входящие в шкалу «Социальная травля», достаточно согласованы, связаны между собой.

Однако для агрессора во внешкольном кибербуллинге шкала «Социальная травля» имеет недостаточную согласованность, то есть ответы на вопросы этой шкалы не связаны между собой. На основании этого можно сделать вывод, что те агрессоры во внешкольном кибербуллинге, которые прибегают, скажем, к клевете, не прибегают к блокировке неудобных им пользователям Интернета. Возможно, это связано с тем, что во внешкольном кибербуллинге, где они не имеют влияния на других участников общения, агрессоры не могут добиться перевеса сил и влияния в свою пользу, и поэтому не могут осуществлять систематическую социальную травлю.

Тем более интересно, что согласованность этой же шкалы у подстрекателя и рядового участника во внешкольном кибербуллинге выше, чем во внутришкольном. И подстрекатель, и рядовой участник осуществляют коллективную травлю: подстрекатель предлагает, а рядовой участник осуществляет. Если внутри школьного коллектива они знакомы между собой, и подстрекатель обращается к своим одноклассникам, то вне школьного коллектива подстрекатель предлагает осуществить травлю незнакомым людям, возможно, и взрослым, а рядовой участник подчиняется тем, кого никогда, возможно, не видел.

Таким образом, и подстрекательство, и участие в травле в качестве рядового участника вне школьного коллектива носит наиболее целостный, последовательный и системный характер.

Обращает внимание и сравнительно низкая согласованность шкалы «Социальная травля» у респондентов, выступивших в роли свидетелей внешкольного кибербуллинга. По всей видимости, вне школьного коллектива их наблюдения за явлениями, входящими в социальную травлю, носят более случайный, чем систематический характер.

Шкала «Личная травля» включала в себя все действия (выполненные открыто, под собственным аккаунтом), направленные непосредственно на жертву. То есть это и оскорбления, и угрозы, и многочисленные неприятные сообщения, и отправка фото- и видео шокирующего или обидного содержания лично жертве. Такая травля может осуществляться как на виду у всех, так и ограничиться личными сообщениями и протекать незаметно. Обращает на себя внимание тот факт, что шкала «Личная травля» имеет более высокую согласованность во внешкольном кибербуллинге по сравнению с внутришкольным. В большинстве случаев уровень согласованности личной травли во внутришкольном кибербуллинге даже не дотягивает до достаточного. По всей видимости, это связано с тем, что личная киберагрессия знакомых между собой детей может не носить системный характер, а происходить достаточно случайно, в зависимости от какой-то конфликтной ситуации.

Можно также обратить внимание, что внутренняя согласованность шкалы «Личная травля» для роли «рядовой участник» выше, чем для остальных ролей. По всей видимости, человек, который соглашается принять участие в личной травле на стороне преследователя, делает это более систематически, чем тот, кто травлю инициирует.

Интересно, что шкала «Социальная травля» для роли свидетеля более согласованна при внутришкольном кибербуллинге, то есть в ходе внутришкольного кибербуллинга те свидетели, которые замечают одни проявления социальной травли, склонны замечать и другие, тогда как социальная травля во внешкольном кибербуллинге для них протекает более разрозненно. В случае со шкалой «Личная травля» свидетели демонстрируют прямо противоположную картину. Можно предположить, что отдельные проявления личной киберагрессии, протекающие внутри школьного коллектива, не соединяются в какую-то единую картину, тогда как свидетели, наблюдающие за внешкольным кибербуллингом, замечающие, скажем, оскорбительные комментарии, замечают и угрожающие сообщения.

Шкала «Фейк-травля», посвящённая кибербуллингу, совершаемому с помощью фейкового, фальшивого аккаунта, показала высокие уровни согласованности во всех ролях. Можно предположить, что человек, имеющий фейковый аккаунт, использует его для разных способов издевательств, не сосредотачиваясь на каком-то одном, и это также заметно жертвам и свидетелям кибербуллинга.

Несмотря на то, что создание копии аккаунта кажется более лёгким способом самозванства, чем захват чужого аккаунта и предъявляет меньше требований к уровню навыков владения Интернетом у преследователя, шкала «Самозванство» в целом показала достаточную и хорошую согласованность. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее высокие значения показали респонденты, указавшие на участие в кибербуллинге в ролях подстрекателей и рядовых участников, то есть тех, кто предлагает осуществить самозванство, но сам не исполняет, и тех, кто исполняет самозванство по чужой указке. Судя по всему, для этих ролей самозванство происходит более организовано с использованием любых возможных средств, как захвата, так и создания копии. Ниже всего показатели согласованности шкалы «Самозванство» у роли свидетеля внутришкольного кибербуллинга. Создаётся впечатление, что свидетели внутришкольного кибербуллинга в меньшей степени склонны связывать между собой такие события, как захват кем-то аккаунта их одноклассников, и создание копии.

6. Заключение

Нами была предложена типология кибербуллинга, в которой выделенные разновидности дифференцированы по ситуации реализации травли и характеризуются различным набором актуальных инструментов киберагрессии и различиями в выборе стратегий поведения субъектами, выступающими в той или иной роли. Актуальность нашей классификации демонстрирует согласованность шкал, наблюдаемая по результатам изучения данных опроса.

Однако, анализ этих шкал на основе расчёта согласованности показал, что одни и те же группы действий в зависимости от ситуации могут оказаться связанными между собой системно, формируя акт кибербуллинга, но могут и выступать разрозненно, оставаясь спорадическими проявлениями киберагрессии. При этом, анализируя данные диагностического опросника, мы в первом случае наблюдаем согласованность шкал, во втором — нет. Таким образом, согласованность/несогласованность шкал может быть использована как инструмент оценки результатов диагностики и индикатор наличия либо отсутствия актуальных проявлений кибербуллинга в школьном коллективе.

Разделение роли преследователя на три: агрессора, который сам предпринимает атаки по своему выбору, подстрекателя, который приглашает других, и рядового участника, который предпринимает атаки по предложению, просьбе или приказу подстрекателя, позволило показать, что одни и те же виды травли являются более или менее целостными в самоотчётах этих трёх разных ролей. Таким образом, гипотезу данной статьи можно считать подтверждённой. Наиболее согласованными являются шкалы кибербуллинга в ролях подстрекателя и рядового участника, то есть тех, чьи действия так или иначе предполагают участие в травле других преследователей. Шкалы кибербуллинга в роли агрессора, то есть того, кто осуществляет травлю самостоятельно, не предлагая другим присоединиться и не ориентируясь на чужие приказы, оказываются наименее согласованными, причём это особенно заметно, когда речь идёт о внешкольном кибербуллинге. Таким образом, можно увидеть, что роль агрессора заметно отличается от других ролей кибербуллинга. По всей видимости, различные формы нападения на посторонних людей в Интернете, производимые по собственной инициативе, происходят не связанно между собой.

Исследование согласованности шкал кибербуллинга позволяет сделать выводы о том, в каких случаях различные проявления травли увязываются в единую картину, а в каких происходят разрозненно (как, например, социальная травля в роли агрессора во внешкольном кибербуллинге).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-29-14176.

Литература

- [1] Olweus D. School bullying: Development and some important challenges // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013. No. 9. P. 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
- [2] Гусейнова Е. А., Ениколопов С. Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // *Психологическая наука и образование*. 2014. Т. 6. № 2. С. 246–256.
- [3] Willard N.E. *Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress*. Champaign, IL: Research Press, 2007.
- [4] Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97.

- [5] Антипина С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 113–122. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122.
- [6] Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 17–31.
- [7] Солдатова Г. У., Львова Е. Н., Пермякова И. Д. Феномены традиционного буллинга и кибербуллинга: сходства и различия // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека / Р. В. Ершова (ред.). Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 380-385.
- [8] Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2008. Vol. 2. No 2. URL: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214> (дата обращения: 04.08.2020).
- [9] Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M., Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying. Research Brief No. RBX03-06. London: DfES, 2006.
- [10] Brewer G., Kerslake J. Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness // *Comput. Hum. Behav.* 2015. Vol. 48. P. 255–260. DOI: 10.1016/j.chb.2015.01.073.
- [11] Mureşan L. M. Bullying and Cyberbullying Proximal and Specific Differences in Middle Schools in Romania // *European Proceedings of conference: Education, Reflection, Development, Seventh Edition*. 2020. P. 536-544. DOI: 10.15405/epsbs.2020.06.53.
- [12] Войскунский А. Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // *Человек*. 2016. №1. С. 36–49.
- [13] Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying // *General Psychiatry*. 2020. Vol. 33. No 3. DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187.

Types of Cyberbullying: Consistency of Scales as a Method of Analysis

V. L. Nazarov ^{1,2}, N. V. Averbukh ¹

¹ Ural Federal University, ² Institute for Education Development of the Sverdlovsk Region

This paper presents an analysis of school and non-school cyberbullying and its constituent phenomena: social bullying, personal bullying, "fake bullying" and imposture. A inventory is used, the questions in which are combined into scales based on the types of bullying. Based on the consistency of these scales, a conclusion is made regarding the systematic nature of these phenomena in different roles of cyberbullying.

The purpose of this paper is to study the types of cyberbullying through the analysis of the consistency of scales based on the types of cyberbullying identified by the authors. The main hypothesis is that the consistency /inconsistency of the scales can be used not only to check the relevance of the questionnaire, but also to build a typology of the external conditions for the implementation of the phenomenon, in this case, specific situations of the manifestation of different types of cyberbullying. The results of the scale consistency calculation generally confirm this hypothesis.

Keywords: cyberbullying, school cyberbullying, non-school cyberbullying, roles in cyberbullying, social bullying, personal bullying, fake bullying, imposture

Reference for citation: Nazarov V. L., Averbukh N. V. Types of Cyberbullying: Consistency of Scales as a Method of Analysis // *Information Society: Education, Science, Culture and*

Technology of Future. Vol. 7 (Proceedings of the XXVI International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2023, St. Petersburg, June 26–28, 2023). — St. Petersburg: ITMO University, 2024. P. 178–191. DOI: 10.17586/2587-8557-2024-7-178-191

Reference

- [1] Olweus D. School bullying: Development and some important challenges // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013. No. 9. P. 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
- [2] Gusejnova E. A., Enikolopov S. N. Vliyanie pozicii podrostka v bullinge na ego agressivnoe povedenie i samoocenku [The influence of a teenager's position in bullying on his aggressive behavior and self-esteem] // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2014. Vol. 6. No. 2. P. 246–256. (In Russian).
- [3] Willard N. E. *Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress*. Champaign, IL: Research Press, 2007.
- [4] Bochkareva E. V., Strenin D. A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying // *Russian Journal of Criminology*. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 91–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97. (In Russian).
- [5] Antipina S. S. Oprosnik «Tipologiya kiberagressii»: struktura i pervichnye psihometricheskie harakteristiki [Questionnaire "Typology of cyber aggression": structure and primary psychometric characteristics] // *Bulletin Of Kemerovo State University*. 2021. Vol. 23. No 1. P. 113–122. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122. (In Russian).
- [6] Soldatova G. U., Yarmina A. N. Cyberbullying: features, role structure, parent-child relationships and coping strategies // *National Psychological Journal*. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 17–31. (In Russian).
- [7] Soldatova G. U., L'vova E. N. i Permyakova I. D. Fenomeny tradicionnogo bullinga i kiberbullinga: skhodstva i razlichiya [The phenomena of traditional bullying and cyberbullying: similarities and differences] // *Cifrovoye obshchestvo kak kulturno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka* / R. V. Ershova (ed.). Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, 2018. P. 380-385. (In Russian).
- [8] Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2008. Vol. 2. No 2. URL: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214> (дата обращения: 04.08.2020).
- [9] Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M., Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying. Research Brief No. RBX03-06. London: DfES, 2006.
- [10] Brewer G., Kerlake J. Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness // *Comput. Hum. Behav.* 2015. Vol. 48. P. 255–260. DOI: 10.1016/j.chb.2015.01.073.
- [11] Mureşan L. M. Bullying and Cyberbullying Proximal and Specific Differences in Middle Schools in Romania // *European Proceedings of conference: Education, Reflection, Development, Seventh Edition*. 2020. P. 536-544. DOI: 10.15405/epsbs.2020.06.53.
- [12] Voiskunskiy A. Behavior in a cyberspace: Some psychological principles // *Chelovek*. 2016. No. 1. P. 36-49. (In Russian).
- [13] Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying // *General Psychiatry*. 2020. Vol. 33. No 3. DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187.